

Круглый стол «СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА»

Л. В. Левшун

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИТЕТА РУСИ В ПОСЛАНИЯХ КНЯЗЯ В.-К. К. ОСТРОЖСКОГО

Уже ко времени заключения Брестской унии в культуре литовской руси стал очевидным обрыв отеческой – древнерусской, «византийско-киевской» – традиции во всех её проявлениях: в условиях литовской, а потом польско-литовской экспансии были уничтожены или утрачены из-за неблагоприятных условий бытования почти все специфические ценности народа руси, а значит – и признаки «рускости», отличавшие русь от этнических литовцев и поляков: правящая династия, историческая память, структура власти и управления, правовая система, сама государственность, отеческое исповедание, традиционная церковная юрисдикция, культурная традиция и ее носитель – культурная элита руси. «Не зостае нам намнейшее речы, с которое быхмо се тешити въ законе своем мели... – писал В.-К. К. Острожский Ипатию (Потю) в послании от 21 июня 1593 г. – Все опроверглось, упало! Зо всех скорбь, ситование и беда! И если далее почувать не будемо, Бог весть, што з нами за конец будет!» Утратив все основные идентификационные признаки, критерии и механизмы, которые работали в средневековье, русь ВКЛ вынуждена была искать новые критерии и механизмы идентичности. Задача осложнялась тем, что необходимо было отличить себя не только от других сограждан Речи Посполитой, но и от «gente Ruthenus» Московского царства.

В этой ситуации простое воссоздание традиционной средневековой генеалогической и/или исторической легенды заведомо не могло дать ожидаемого результата – русь ВКЛ неизбежно оказалась бы «своими» среди «чужих» (русских Московского царства) и «чужими» среди «своих» (обывателей Речи Посполитой). Приспособление же литовской легенды о Палемоновичах или польской сарматской идеологемы для целей самоидентификации руси столь же неизбежно привело бы к растворению «gente Ruthenus» в «natione Polonus», чего и добивалась администрация Речи Посполитой. К тому же литовскую русь накрывала бы тень Рима: либо «длящегося Рима» польского сарматизма, либо «третьего Рима» Московского царства, либо Рима как отчества, согласно Палемоновой легенде литовцев. Следовательно, руси предстояло *создать новый идентифицирующий конструкт*, в котором элементы разрушенной идентичности воссоздавались бы не в их первоначальном виде, а преобразуясь в новых условиях.

У истоков создания такого конструкта – в качестве его идейного вдохновителя, первого разработчика и осуществителя – стоял князь

В.-К. К. Острожский, который одним из первых осознал опасность идеологии польского сарматизма для идентичности руси в «государстве двух народов». Утверждение сарматизма в качестве идеологии Речи Посполитой создало условия для культурной ассимиляции разных представителей «шляхетского народа», в результате которой должна была сформироваться «речьпосполитская» общность. Экспансивность идеологии сарматизма и тот факт, что верховная власть в РП принадлежала в основном представителям этого «народа», делало абсолютным преобладание в новой общности польского сарматского элемента. Разумеется, при таких обстоятельствах этногенез и идентичность руси были обречены слиться с польскими этногенезом и идентичностью.

Ситуация осложнялась тем, что, во-первых, миссия «сарматской республики» виделась в том, чтобы не только защитить восточные рубежи западной цивилизации от «восточной схизмы» (Православия), но и распространить «истинную веру» (Католицизм) на восток. Следовательно, основанием религиозной унификации неизбежно становился Католицизм. Во-вторых, мессианская идеология Московского царства «Москва – третий Рим» была слишком близка мессианству польского сарматизма, а значение Стоглавого собора для истории «московского православия» имело едва ли не то же значение, что Тридентский собор для истории Католицизма, в частности, в том, что оба узаконили воинственный консерватизм и мессианскую агрессивность, чуждые христианству. Вместе с тем православное вероисповедание было тем последним и единственно «живым» признаком, который реально, а не легендарно, отличал сообщество «gente Ruthenus» от всех иных в Речи Посполитой. Поэтому в постлюблинскую и посттридентскую эпоху представителей руси волновали прежде всего вопросы их этноконфессиональной идентичности в католическом окружении.

Таким образом, остро встала проблема разработки такой идентичности, которая бы противостояла как польскому, так и московскому мессианству. Князь В.-К. К. Острожский был тем мыслителем, который впервые озвучил эти новые идентифицирующие признаки руси как прежде всего «*единыя правыя веры сопричастников*», изложил их в своих письмах к разным лицам и систематизировал в «Окружном послании» от 24.07.1595 года.

Важным для К. Острожского является **конфессиогенетическая специфика**: в пику, московским книжникам, которые обосновывали свою идеологию священной исторической закономерностью «последние будут первыми» (Мф 20:6), и польскому мессианизму, князь доказывает, что «русская вера» гораздо древнее и «московского православия» и «сарматского католицизма». Она «не ново изобретена, яко прочие, от людских умышлений <...> но от самого Бога, еще в начале света, купно с созданием первого человека предана, и оттоле <...> действуется и невреждена хранится» /стб. 101/ от самого Авеля, а не от позднее живших Иафета и Мосха, от которых начинают историю своих церквей московиты поляки. Эта вера сохранялась вплоть до оглашения ее в Иерусалиме Самим Господом. И именно из

этого «жерла» проистекает нынешняя вера православной руси, а не из Рима, как сарматская, и не от Андрея Первозванного, как у московитов. Отличительный признак «русской веры» – *ненасильственность*: «никтоже имать рещи <...>, абы кого приневоляти когда во истинную веру или мучити мели...» /стб. 103/. И это также отличает православную русь ВКЛ как от сарматов, так и от московитов. Еще один значимый идентификационный признак «русской веры» – то, что она *вера мучеников и страстотерпцев* по примеру Авеля, Христа и Его апостолов.

«Вси бо, – рече, – хотящии благочестно жити о Христие Иисусе, гоними будутъ» (2 Тим. 3:13) /стб. 103/. Так воспринимаемый конфессиогенез предоставляет четкий критерий для различения «своих» и «чужих»: «свои» – мученики; «чужие» – мучители, что весьма отличается от представлений о вселенской миссии как «шляхетской республики», так и «Третьего Рима», да и от сарматского идеала сословной избранности.

Эта конфессиогенетическая легенда Острожского, задаёт особую *аксиологическую систему*, значимую для идентификационных механизмов. Абсолютной ценностью в идентитете русинов является *Православие как «единственная истинная вера»*; приверженность Православию есть абсолютный критерий культурной, социальной, духовной включенности личности в общность руси: «единыя истинныя веры держащесе блюдем, еюже все праведники избранники Божии живутъ (Рим. 1:17)». При этом – как самая действенная миссионерская проповедь – воспринимается Острожским страдание за веру.

Такая аксиологическая система принципиально отличает идентитет православной руси от идентитетов и «сарматской республики», и «третьего Рима» еще и тем, что она *абсолютно аполитична*. Между тем для польских сарматов высший аксиологический статус имели освященная Богом католическая сарматская республика и моральный кодекс «рыцарства», призывавший защищать это Божие установление. Основной ценностью московитов было могущество Московского царства как «третьего Рима, а четвертому не бывать», обоснованное также в категориях религиозных универсалий. В идентитетах и тех и других отождествлялись политическое и духовное. Но государство-Отечество сообщества литовской руси – Небесный Иерусалим, чьим образом в человеческой истории является Иерусалим в Святой земле. Земное же отечество руси – ВКЛ или Речь Посполитая – лишь анклав земного Иерусалима, и «кто не станется участником веры сего чювственаго Иерусалима... таковой каждый <...> и з онаго мысленнаго небеснаго града Иерусалима извержется». Вместе с тем, утверждаемая князем и его сподвижниками аксиология русинов *абсолютно демократична*: именно приверженность истинной вере, а не родовитость, не социальный и/или материальный статус определяют в ней ценность человека. *Религиозная толерантность* – значимый элемент аксиологической системы в идентитете руси – основывается на христианской аксиологии и предполагает уважительное отношение к выбору конфессии. В этом князь видит проявление

христианского смирения и любви к образу Божию в каждом, даже духовно заблудшем, человеке. Насилие же в вопросах веры – признак зловерия, признак Каина.

Идеи Острожского были единственной серьезной попыткой обозначить основания новой идентичности народа литовской руси, отличной и от древнерусской, и от литовской «Палемоновской», и от польской сарматской, и от московитской. Они вдохновили «православное возрождение», создавшее «культы памяти» литовской руси, без чего было бы невозможно формирование национальной идентичности белорусов и украинцев.